

НОВЫЙ
Драматическій
ТЕАТРЪ
БЫВШ. КОМИССАРЖЕВСКОЙ.
ОФИЦЕРСКАЯ, 39. Тел. 19-56.

СЕГОДНЯ, въ понедѣльникъ, 15-го февраля,
ВЪ ТРЕТІЙ РАЗЪ

Начало въ 8 час. веч. **НА ЗАКАТЪ** Пьеса въ 3-хъ дѣйствіяхъ, К. Гамсуна.
ВЕЧЕРОМЪ: 16-го, 20-го, 23-го, 25-го и 28-го — „Дни нашей жизни“, 17-го, 19-го и 26-го — „Анфиса“, 18-го и 22-го — „На закатъ“, 21-го, 24-го и 27-го — „Цез. и Клеоп.“. УПРОМЪ: 21-го и 28-го — „На днѣ“, 24-го — „Анфиса“, 25-го — „Авдотына жизнь“, 26-го — „Три сестры“, 27-го — „На закатъ“. Билеты продаются.
Билеты продаются въ кассѣ театра и въ Центральной—Невскій, 23.

ЗИМНІЙ
БУФФЪ
АДМИРАЛТЕЙСКАЯ КАВЕРЖКА, 4
Телефонъ № 19-59.

СЕГОДНЯ, въ понедѣльникъ, 15-го февраля,
ГРАФЪ ЛЮКСЕМБУРГЪ Начало въ 8 1/2 ч. веч.

опер. въ 3 д., И. Г. Ярона и Л. Л. Пальмского, муз. Ф. Легара.
Оригинальная постановка главного режиссера А. С. Полонского.
Касса открыта съ 12 час. дня. Уполн. дирекц. Л. Л. Пальмскій.

ТЕАТРЪ
ПАССАЖЪ
Невскій, 48. Итальянская, 19.
ТЕЛЕФОНЪ 252—76.
Дирекція С. Н. Новикова.

СЕГОДНЯ, въ понедѣльникъ, 15-го февраля, пред. будетъ въ 24-й разъ послѣдняя новинка, остроумной оперетты въ 3-хъ дѣйствіяхъ, сборы! Новый трюкъ! Куплеты съ рефреномъ въ публикѣ! Изумительный танецъ съ зонтиками исполн. Балетъ. Во вторникъ, 16-го февраля, бенефисъ балетмейстера **А. В. Люзинскаго и балета — 1) ШАЛУНЬЯ**. 2) *Петербургъ ночью*. Въ четвергъ, 18-го февр, **БЕНЕФИСЪ** директора театра С. Н. Новикова—первое представл. послѣдней новинки Парижа „Лотерейная невѣста“. Въ субботу, 20-го февраля, бенефисъ главного режиссера и капелмейстера А. Б. Вилинскаго.

НЕВСКІЙ
Фарсъ

Невскій, 56. Телеф. 317-27.
Rendez-vous du monde élégant.
ДИРЕКЦІЯ ВАЛЕНТИНЫ ЛИНЬ.

СЕГОДНЯ бенефисъ вторыхъ артистовъ! (Цѣны обыкновенныя). Экстра-ординарный спектакль и бенефисъ. дивертиссементъ при участіи, только въ этотъ вечеръ, Е. Ф. Лерма, А. Н. Юрской и г. Делормъ. Гв. **УДОЧКА** (Ахъ, какой сез. найден! Неслых. усп! **нахаль!**). Новые невиданные трюки. Объясненіе въ любви въ воздухѣ! Полетъ г. Смолякова черезъ трубу!

2) **Безпутная ночь**. 3) **ДИВЕРТИССЕМЕНТЬ** при уч. г-жъ Арабельской, Вал. Линь, Лерма, Панской, Юрской; гг. Вронскаго, Делормъ, Кремлевскаго и Улиха. Начало въ 8 1/4 час. вечера. Порядокъ спектакля: 1) Безпутная ночь. 2) Уточка. 3) Дивертиссементъ. Билеты для гг. студентовъ по 1 р. 10 к. Касса откр. съ 11 ч. у. Реж. В. Ю. Вадимовъ и І. А. Смоляковъ. Адм. Л. А. Леонтьевъ.

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ
ТЕАТРЪ
Екатерининскій кан., 90.
телефонъ 257-28

СЕГОДНЯ, въ понедѣльникъ, 15-го февраля.
Начало въ 8 1/4 час. вечера.

Въ 52-й разъ **Огарочники** (ДѢТИ XX ВѢКА)
пьеса въ 4 дѣйств., Н. А. Смурскаго.

ЗАВТРА—во 2-й разъ „Катюша Маслова“.

Билеты продаются въ кассѣ театра съ 11 час. утра до окончанія спектакля и въ Центр. кассѣ (Невскій, 23).

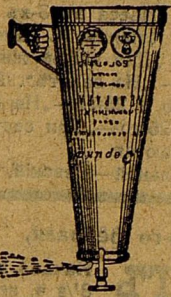
НОВЫЙ ТЕАТРЪ
Мойка, 61, телеф. 973.

Товарищества артистовъ
ЛИТЕЙНАГО театра.

Подъ управленіемъ Е. А. Мосоловой.

СЕГОДНЯ, въ понедѣльникъ, 15-го февраля,
Вся новая программа **Жизнь страшнѣе смерти. ПУФЪ** фарсъ съ пѣніемъ и танцами
ЧЕРЕПОСЛОВЪ, оперетта въ 3-хъ картинахъ.

Реж. Б. С. Неволинъ. Отвѣт. реж. П. П. Ивановскій. Дивертиссементъ, съ уч. СПб. арт. разн. театровъ.

Пожаръ не страшенъ,

если вездѣ будутъ находиться Огнетушители „ЭВРИКА-БОГАТЫРЬ“, дѣйствующіе пѣнной „Лорантина“ (патентъ А. Г. Лорана). ТОЛЬКО „ЭВРИКА-БОГАТЫРЬ“ ТУШИТЬ ВСЕ, даже нефть, керосинъ, бензинъ и т. п. легковоспламеняющіяся вещества. За короткое время СПБ. пожарными командами огнетушителями „Эврика-Богатырь“ потушено свыше 150 пожаровъ. Всѣ Импер. театры, Залы Консерваторій и масса казенныхъ и частн. учреждений обезопасены въ пожарн. отношеніи только аппаратомъ „Эврика-Богатырь“. Требуйте брошюру съ отзывами. Высылаемъ немедленно бесплатно.

Т-во механическаго и литейнаго завода „Богатырь“.

СПБ. Б. Спасская, 2. Телефоны 89-15 и 217-23.

Единств. представ. для всей Россіи Акц. общ. Густавъ Листъ въ Москвѣ

М. И. Дрозжинъ.

Караванная, 24, близъ Невскаго пр. Телеф. 82—52.

Бриллиантовые, золотыя и серебряныя вещи лучшей работы.

Управляющій Вгоръ Ивановичъ ОЛИВЕРЪ.

Къ кохчихъ В. ф. Коммиссаржевской.

Артисты о В. ф. Коммиссаржевской.

Въ бесѣдахъ съ журналистами артисты горячо скорбятъ о тяжелой утратѣ въ ихъ семьѣ.

К. А. Варламовъ: Я не могу примириться съ мыслью, что этотъ дивный человѣкъ и товарищъ ушелъ отъ насъ навсегда. Я великолѣпно изучилъ ея характеръ, привычки, наклонности. Все это было необычайно симпатично и удивительно мило. Это была женщина, которая жила не разсудкомъ, а сердцемъ.

Какъ товарищъ, она была необыкновенно ровная, милая, привѣтливая. Не было случая, чтобы она погорячилась или, какъ говорятъ, вышла изъ себя.

Не было среди насъ—александринцевъ, кажется, ни одного человѣка, который относился бы къ ней недоброжелательно.

Всѣми она была любима, какъ прямой, честный, искренній человѣкъ и товарищъ.

А. П. Петровскій горячо и красиво опредѣляетъ личность артистки:

Это было чрезвычайное явленіе въ русской жизни.

Въ ней была сила гипноза, громадный, образованный умъ, неутомимая энергія, вѣчное исканіе! Въ смыслѣ личности это было необыкновенное человѣческое обаяніе.

Ей была дана та дорогая простота, во имя которой могутъ совершаться чудныя дѣла.

Въ этомъ человѣкѣ странно сочетались двѣ противоположности: мудрость и дѣтскость. Я не знаю человѣка, который такъ мало заботился бы о своей физической жизни. Припоминаю свои дальнія поѣздки съ ней по провинціи.

Никто не зналъ, когда она ѣстъ, когда спитъ.

Она приказывала отцѣпить свой вагонъ и отвести въ сторону, чтобы побыть хоть немного времени въ полномъ мракѣ.

Она спускала шторы и нѣсколько минутъ утренняго сна въ темномъ вагонѣ служили ей отдыхомъ за цѣлый день...

Какъ артистка, Коммиссаржевская была велика не техникой, а силой внутренняго проникновенія, пламеннымъ огнемъ, красотой идеи, которая въ ней жила, и въ этомъ отношеніи она приближается къ Дузе. Я ставлю ее выше Дузе.

Коммиссаржевская была удивительной психологъ, психологъ нѣтія, въ ней была какаятъ „достоевщина“.

В. И. Давыдовъ:

Пишутъ, что В. Ф. умерла отъ оспы.

А, по моему, она умерла не столько отъ оспы, сколько отъ того нравственнаго потрясенія, отъ тѣхъ обидныхъ чуждачъ, гоненій, которыя ей пришлось пережить за послѣдніе годы. У насъ, въ Петербургѣ, не даютъ дорогу такимъ, какъ Коммиссаржевская!

У насъ не цѣнятъ истинныхъ талантовъ и заставляютъ ихъ бѣжать въ провинцію. Вотъ главная причина этой преждевременной, тяжелой утраты...

Гордая чайка, она надломилъ свои крылья въ борьбѣ съ пошлой бездарностью...

А. И. Доляновъ опровергаетъ распространенные слухи о томъ, что В. Ф. покинула Александринскій театръ изъ-за интригъ:

— Это все выдумки. Къ В. Ф. всѣ относились прекрасно, да иначе и нельзя было относиться къ этому всеми любимому, симпатичному человѣку и товарищу.

Уходъ В. Ф. съ Александринской сцены вызвалъ всеобщее сожалѣніе. Я это категорически утверждаю. И если кто и повиненъ въ уходѣ В. Ф., то одно лишь стремленіе къ художественному творчеству.

Н. С. Станиславскій.

— Отецъ В. Ф. былъ моимъ учителемъ.

Ее же я зналъ еще молодой.

Съ ея отцомъ и съ Федотовымъ мы начали „общество искусства и литературы“.

В. Ф. жила съ отцомъ въ квартирѣ при этомъ обществѣ и въ немъ же начала пробовать свои драматическія силы.

Какъ разъ передъ тѣмъ, какъ сгорѣлъ Охотничій клубъ, въ домѣ Гинсбурга, она полсезона играла маленькія роли въ водевиляхъ. Потомъ, въ томъ же году, мы поставили „Плоды просвѣщенія“, гдѣ она играла роль Бетсы.

Смерть В. Ф. — огромная утрата для искусства. Это была большая и очень талантливая артистка.

А. И. Южінъ.

— Я не могу собраться съ мыслями, — сказалъ онъ, — такъ неожиданна эта смерть.

Съ В. Ф. я не игралъ, но она была большимъ моимъ другомъ.

Это былъ первоклассный талантъ, одинъ изъ самыхъ яркихъ, настоящихъ, несмотря на всѣ ея увлеченія.

Смерть В. Ф. — страшная потеря для русскаго искусства.

В. П. Далматовъ.

Гдѣ видано за границей, чтобы выдающіеся таланты почти изгонялись изъ столицы, чтобы разоренные, вложившіе все въ свое дѣло, въ свою идею, умирали гдѣ-то въ захолустьѣ, ища матеріальной поддержки. Дузе, Сарра Бернаръ — вотъ участь, достойная націи, достойная культурнаго народа.

Такой необыкновенный, оригинальный талантъ, такая великая актриса и... такое пренебреженіе. Что вышло изъ Петербурга? Что заставило ее слоняться по окраинамъ Имперіи? Развѣ публика вставала на защиту ея стремленій? Развѣ ее поддерживали наши богачи-меценаты? Развѣ критика постоянными поверхностными толкованіями о новыхъ тече-

ніяхъ въ драмѣ не сбивала ее съ той дороги, на которой она могла-бы развиваться безъ такихъ легковѣсныхъ поддержекъ?

Толпа любопытна, не сознательна. Эта смерть лежитъ тяжкимъ упрекомъ на русское общество, на интеллигентныхъ меценатовъ, на городъ, который долженъ былъ охранять развитіе и существованіе такихъ индивидуальныхъ талантовъ, какъ Комиссаржевская.

Стыдно публикѣ! Стыдно прессѣ! Стыдно всѣмъ, кто охраняетъ святое искусство.

Ю. М. Юрьевъ.

— Послѣ фурора въ „Бой бабочекъ“, въ Александринскомъ театрѣ, какъ это ни странно, нѣсколько спектаклей прошли вяло, неуверенно.

Помню, однажды она съѣла у меня въ уборной и плакала:

— Не могу, — говорила она, — найти подходящія роли, все не по мнѣ, все чуждо моей натурѣ.

Но талантъ спасъ ее: она работала, анализировала свою артистическую натуру, и когда послѣ долгихъ исканій, она выступила въ „Безприданницѣ“, восторгамъ и овациямъ не было конца. Она нашла „себя“ въ этой роли.

Я. С. Тинскій.

— Лѣтомъ 1894 г. Г. Ф. играла въ Озеркахъ у Струйской. Послѣ лѣта она ангажеманта не имѣла и я рѣшилъ помочь ей.

Какъ разъ въ это время въ Петербургѣ былъ Соболевичъ-Самаринъ, снявшій на зиму театръ въ Новгородѣ, и я отправился къ нему.

Соболевичъ-Самаринъ отказалъ мнѣ.

Къ счастью, Вѣру Федоровну взялъ Незлобинъ въ Вильну, гдѣ она имѣла шумный успѣхъ.

Черезъ годъ В. Ф. была приглашена на Императорскую сцену.

Спустя нѣсколько лѣтъ, я снова встрѣтился съ Соболевичъ-Самаринымъ, и онъ страшно сожалѣлъ о томъ, что не взялъ въ свою труппу В. Ф.

Какъ это я, — говорилъ Соболевичъ-Самаринъ, — обладая такимъ чутьемъ, могъ не замѣтить этого громаднаго таланта.

В. В. Стрѣльская.

— Я душевно плачу о ней. Мнѣ ее жаль, какъ чуждаго человѣка, а ужъ, какъ талантъ — и говорить нечего...

За все время, что она служила у насъ на Александринской сценѣ, она никому худого слова не сказала.

Про мертвыхъ всегда принято говорить хорошее, но не всегда это говорится искренно.

Въ искренности же хорошихъ словъ о Комиссаржевской, конечно, никто изъ знавшихъ ее не усомнится.

Это былъ любезный человѣкъ, такой душевный, что даже тяжело вспомнить. Съ первыхъ же шаговъ своихъ въ Александринскомъ театрѣ она полюбила меня и иначе не называла, какъ тетя Варя...

Играть съ ней было одно наслажденіе...

Кто еще въ то время изъ молодыхъ артистокъ былъ лучше, талантливѣе ея, ужъ я не знаю...

Я плачу о ней, какъ по близкомъ, дорогомъ человѣкѣ...

Н. С. Васильева.

— Мнѣ кажется, что двухъ мнѣній о Коммиссаржевской не можетъ быть, до такой степени она была обаятельна. Я никогда ничего дурного объ этомъ человѣкѣ не слышала.

Она счастлива тѣмъ, что ушла отъ насъ въ необыкновенно свѣтломъ ореолѣ и какъ художница, и какъ человѣкъ.

Какъ артистку, я всегда ставила ее очень высоко.

Это была вдохновенная артистка, настоящая жрица искусства, въ которой ужъ ничего не было ремесленного.

А. И. Аркадьевъ о послѣднихъ дняхъ В. Ф. Коммиссаржевской.

Въ Петербургъ возвратился А. И. Аркадьевъ, артистъ труппы В. Ф. Коммиссаржевской, выѣхавшій изъ Ташкента за нѣсколько дней до катастрофы.

Вотъ что онъ рассказываетъ сотрудникамъ газетъ:

— Все шло хорошо. Въ воскресенье вечеромъ я получилъ телеграмму, вызывавшую меня обратно въ Ташкентъ, такъ какъ рѣшено было начать спектакли. Вдругъ въ среду смерть безжалостно отняла отъ насъ В. Ф., — рассказывалъ А. И. Аркадьевъ. — Я хорошо помню дни, предшествовавшіе ея болѣзни.

Не кончится эта повѣдка добромъ, — часто говорила мнѣ В. Ф.

Послѣ одного случая въ Самаркандѣ она стала убѣждать всѣхъ, что ее ждетъ какое-то несчастье.

В. Ф. жила въ Самаркандѣ, въ гостиницѣ рядомъ со своимъ режиссеромъ А. П. Зоновымъ. Какъ-то ночью въ номерѣ у Зонova отъ неизвѣстной причины лопнуло и развалилось поаламъ стоявшее на письменномъ столѣ большое зеркало.

— Кто нибудь умретъ! — воскликнула В. Ф.

Еще раньше въ Асхабадѣ В. Ф., вѣрившая различнымъ предсказаніямъ, попросила какую-то цыганку погадать ей.

— Ждетъ тебя, красавица черноокая, большое несчастье, — сказала ей цыганка, — не поѣзжай дальше. Захвораешь ты страшной болѣзью... Многие будутъ плакать по тебѣ...

Глубоко закралось въ душу В. Ф. это предсказаніе и случай съ разбитымъ зеркаломъ, и она довольно часто стала задумываться. Помню, когда мы приѣхали въ Самаркандъ, нѣкоторые изъ артистовъ поѣзжали осматривать городъ. Разказами ихъ о красотѣ стараго города увлеклась и В. Ф. Нашъ парикмахеръ Шишмановъ, ранѣе бывавшій въ Самаркандѣ, вызвался быть чичероне. Пошли В. Ф., Подгурская и Любавина. Осматривая старый городъ, они забрели на Сартскій базаръ, гдѣ накупили себѣ ковровъ, халатовъ и различныхъ бездѣлушекъ.

Пробыли мы въ Самаркандѣ недолго и отправились въ Ташкентъ. Въ день приѣзда туда Подгурская и Любавина легли въ постель, а на другой день сказали больными Норбекова, Закушнякъ и Шишмановъ. Приглашенные немедленно врачи констатировали заболѣванія натуральной оспой.

Послѣдній спектакль былъ 26-го февраля, ставили „Бой бабочекъ“, ту самую пьесу, въ которой В. Ф. дебютировала на Александринской сценѣ.

— Мнѣ что-то нездоровится, — жаловалась В. Ф., — лихорадитъ, голова болитъ.

Послѣдній актъ В. Ф. играла какъ-бы въ забытіи. Помню, бѣвало раньше, помощнику режиссера не надо было предупреждать В. Ф. о ея выходѣ, а въ этотъ памятный день онъ все окликалъ ее.

Послѣ спектакля В. Ф. тотчасъ-же поѣхала домой и легла въ постель.

Первые три дня, несмотря на очень тяжелую форму болѣзни, В. Ф. была въ полномъ сознаніи и послала нѣсколько телеграммъ въ Петербургъ своимъ знакомымъ и родственникамъ съ просьбой помолиться о ней.

„Молитесь о Вѣрочкѣ... Боюсь, что умру...“ — телеграфировала В. Ф.

Покинулъ я В. Ф. 29-го января, не думая о томъ, что больше никогда ея не увижу.

В. Ф. Коммиссаржевская — у себя дома,

Несмотря на то, что В. Ф. была хорошо обеспечена матеріально, одѣвалась она въ высшей степени скромно, безъ претензій на роскошь. Квартира ея также не отличалась большой роскошью, но зато порядокъ царилъ у нея образцовый.

Какъ къ своимъ роднымъ, такъ и къ своимъ служащимъ В. Ф. относилась душевно.

Видя, что у ея младшей сестры есть большое призваніе къ скульптурѣ, В. Ф. отправила ее на свой счетъ въ Парижъ, гдѣ послѣдняя и находится въ настоящее время.

Насколько цѣнили В. Ф. артисты ея труппы и служащіе, указываетъ слѣдующій случай.

Не получивъ разрѣшенія поставить „Саломею“, В. Ф. потерпѣла убытокъ въ суммѣ 30,000 рублей.

Артисты и служащіе, узнавъ объ этомъ, отказались отъ полученія жалованья впредь до возмѣщенія убытка.

Горячо тронутая ихъ предложеніемъ, В. Ф., конечно, отказалась отъ этой жертвы.

Дирекція Императорскихъ театровъ возлагаетъ вѣнокъ на гробъ В. Ф. Коммиссаржевской.

Нѣкоторые студенты спб. университета просили разрѣшить отслужить панихиду по В. Ф. Коммиссаржевской въ церкви университета. Просьба не удовлетворена. Студенты предполагаютъ отслужить панихиду по покойной артисткѣ въ Казанскомъ соборѣ.

Среди студентовъ и врачей военно-медицинской академіи идетъ подписка на вѣнокъ на гробъ покойной В. Ф. Коммиссаржевской.

Среди студентовъ-технологовъ возникла мысль устроить литературный вечеръ въ память В. Ф. Коммиссаржевской. Сборъ съ вечера долженъ поступить въ фондъ для сооруженія памятника незабвенной артисткѣ.